

ИМЕННАЯ ШУТКА ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Г. Ф. Ковалев (Воронеж, Россия)

По-настоящему остроумная шутка в литературных кругах является непременным атрибутом талантливости. Даже литераторы никогда не позволяющие себе в своих художественных опусах шутки или минимальному проявлению юмора – даже они в обычной обстановке шутят. Наиболее интересны, пожалуй, шутки и каламбуры, основанные на обыгрывании имени собственного, своего или чужого, а также на обыгрывании географических названий. Например, большая часть каламбуров романа Вл. Набокова “Лолита” обыгрывает именно имена собственные. Правда, гораздо чаще, чем в художественных произведениях, писатели шутят в письмах, в обычном разговоре, за столом с традиционной бутылочкой. Поэтому и каламбуры их в основном выбраны из писательских писем и мемуаристики. Как правило, шутка строится на омонимии, паронимии, а также за счет полисемии слова. О некоторых закономерностях смешного в именах у И. Ильфа и Е. Петрова писал А. А. Реформатский: “О фамилиях у Ильфа и Петрова. Лейбедев – смешно! Казалось бы: только “й” вставили? Но ведь само “й” не смешно! И сочетание “ей” “йб” тоже не смешно? Значит, дело-то поглубже: в контаминации значений ЛЕБЕДЬ, произведенной от него типично русской фамилии ЛЕБЕДЕВ и еврейского имени Лейба, что уже находится на другом уровне! (Ср. Кукушкинд, Пушкинд, а так же Борисохлебский)” (Ильина 1991, с.575). Было и множество других приемов заставить человека смеяться над именем.

Именной каламбур, как выяснила Е. П. Ходакова, присутствовал в русской литературе с самого ее начала. В XVIII в. количество каламбуров значительно увеличилось под влиянием лите-

ратуры и светской жизни Франции (Ходакова 1968, с.205). Вот только несколько примеров именных каламбуров эпохи, предшествовавшей пушкинской. М. В. Ломоносов в поздравительном письме Г. Г. Орлову писал:

Блажен родитель твой, таких нам дав сынов,
Не именем одним, но свойствами Орлов.

Г. Р. Державин, желая прославить императрицу Екатерину II, сделал такую надпись к ее портрету:

Вселенну слава пролетая,
Велит решить вопрос векам:
По имени она вторая,
Но кто же первый по делам?

Он же о фамилии графа Каменского, отправлявшегося в армию:

Ты именем и духом камень,
Холодностью угасишь пламень.

Гавриил Романович каламбуром отозвался и на войну с Наполеоном, отметив таким образом отличившегося в 1805 г. под Шенграбеном генерала П. Р. Багратиона:

“О, как велик На-поле-он!
И хитр, и быстр, и тверд во брани,
Но дрогнул, как простер лишь длани
К нему с штыком Бог-рати-он.” (1806 г.)

На грани с каламбуром и известная шутка Г. Р. Державина, где на месте фамилий были использованы апеллятивные лексемы:

“А лучше с серном льву резвиться,
С державой яхонту блистать... “ (“Графу Стейнбоку”)

И сам же автор пояснил: “Стейнбок означает по-русски серну, на каменистых горах живущую. Держава означает фамилию Державиных, лев – Львовых, яхонт – Яхонтовых, родственников автора” (Державин Г. Р., Собр. соч. СПб., 1834, т. I, с. 304).

Если А. С. Грибоедов шутил, то остроты его входили и в плоть его произведений, и в обыденную жизнь, не лишённую трагического. Фельдъегерь, конвоировавший А. С. Грибоедова с Кавказа в Петербург на допрос по делу декабристов, был лысоват. Это дало основание поэту пошутить: “Что ты смотришь на него? – сказал мне Грибоедов, указывая на курьера. – Или ты думаешь, что это просто так курьер? Нет, братец, ты не смотри, что он курьер, он знатного происхождения: испанский гранд Дон-Лыско-Плешивос-

ди-Париченца”. Этот фарс рассмешил меня своею неожиданностью и показал, в каких отношениях находится Грибоедов к своему телохранителю” (Смирнов 1980, с.209).

Любил каламбуры и шутки с именами и тезка Грибоедова – А. С. Пушкин. Особенно он давал волю своему едкому гению в эпиграммах. Но очень много блестящих именных шуток он походя рассыпал и в своих письмах:

“Не увидимся ли в Академии наук, где заседает князь Дундук?” (Письмо В. Ф. Одоевскому, около 29 декабря 1836 г.). А. С. Пушкин издевается над фамилией недалекого князя М. Д. Дондукова-Корсакова, председателя Цензурного комитета. Это лишь рифмованная проза, но в ней намек на пушкинскую же эпиграмма на этого князя:

“В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят не подобает
Дундуку такая честь:
Почему ж он заседает?
Потому что ... есть”

Или вот пушкинская подпись: “Весь ваш *Яблочный Пирог*” (Письмо А. П. Керн, 1 сентября 1827 г.). Здесь в легкой игривой форме зашифрованы инициалы поэта (буквально – *Я Пушкин*). Кстати, видимо, из-за шуточности или по другой причине данный псевдоним А. С. Пушкина так и не попал в известный Словарь псевдонимов, созданный И. Ф. Масановым.

А. С. Пушкин удачно обыгрывает фамилию Н. И. Надеждина и его же псевдоним: “Как вы думаете, есть ли надежда на Надеждина или Надоумко недоумевают?” (Письмо М. П. Погодину, май 1830 г. в Москве).

В эпиграмме на Фаддея Булгарина А. С. Пушкин изменяет так имя и фамилию нелюбимого им литератора-доносчика, что любому культурному человеку той эпохи они оказывались и понятными и говорящими:

“Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман”

А вот прекрасный каламбур из собственной фамилии и фамилии своего персонажа, исторического лица: “В корректуре я прочел, что Пугачев *поручил Хлопуше грабеж заводов*. Поручаю тебе грабеж Заводов — слышишь ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись с добычей” (Письмо Н. Н. Пушкиной, около 26 июля 1834 г. из Петербурга в Полотняный Завод).

Охотно и легко А. С. Пушкин использует фамилии для производных слов:

“Что из этого следует?

Что ты безалаберный.

Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, перепечатывая нас, образцовых великих людей — Мерзлякова, двух Пушкиных, Великопольского, Подолинского, Полевого и проч.

Хорош!” (Письмо С. А. Соболевскому, декабрь 1827 г.).

“Жду твоей новой повести, да возьмись-ка за целый роман — и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будет слог сбиваться на Коцебятину” (Письмо А. А. Бестужеву, 30 ноября 1825 г.). По фамилии бездарного, но крайне плодовитого немецкого драматурга А. Коцебу. Аналогичной точки зрения на творчество Коцебу придерживался и А. С. Грибоедов. Узнав о свадьбе родственника Коцебу и российской дворянки, своей хорошей знакомой, Грибоедов едко заметил: “Стало быть покойник Август фон Коцебу породнится с Романом Ивановичем и с Алексеем Петровичем! Следовательно, в Тифлисе нельзя будет откровенно говорить об его литературном пачканьи?” (Грибоедов А. С. Письмо Н. А. Каховскому от 19 окт. 1820 г. // Соч в 2-х т. М., 1971, т.2, с.210). Хотя пальма первенства создания данного слова, видимо, принадлежит все-таки поэту Д. П. Горчакову: “...этим пьесам князь Горчаков дал общее название “коцебятинь” (Жихарев 1955, с.51).

Обычно А. С. Пушкину лишь приписывают эпиграмму на его лицейского друга В. К. Кюхельбекера:

“За ужином объелся я,

А Яков запер дверь оплошно —

Так было мне, мои друзья,

И кюхельбекерно, и тошно”

Однако строки, обращенные к брату Льву, говорят за авторство данной эпиграммы именно А. С. Пушкина: “Прощай, душа моя!

Если увидимся, то-то зацелую, заговорю и зачитаю. Я ведь тебе писал, что кюхельбекерно мне на чужой стороне. А где Кюхельбекер?” (Письмо Л. С. Пушкину, 30 января 1823 г. из Кишинева).

А как тонки и изящны каламбуры А. С. Пушкина с именами и фамилиями, основанные на, казалось бы, элементарной омонимии:

“Ангел мой Вяземский или пряник мой Вяземский, получил я письмо твоей жены и твою приписку, обоих вас благодарю и еду к вам и не доеду. Какой! меня доезжают! ...” (Письмо П. А. Вяземскому, 1 декабря 1826 г. из Пскова).

“Жуковскому я писал, он мне не отвечает; министру я писал – он и в ус не дует – о други, Августу мольбы мои несите! Но Август смотрит сентябрем...” (Письмо Л. С. Пушкину, октябрь 1822 г. из Кишинева).

16 февраля “Северная Пчела” напечатала сообщение о том, что Российская Академия присудила крепостному поэту-крестьянину Ф. Н. Слепушкину за его сборник стихов 1826 г. “Досуги сельского жителя” среднюю золотую медаль в 50 червонцев. Император Николай I пожаловал ему же шитый золотом бархатный кафтан, а обе императрицы – по золотым часам. А. С. Пушкин, прочтя это сообщение, написал П. А. Плетневу: “Сле-Пушкину дают и кафтан и часы, и полу-медаль, а Пушкину полному – шиш. Так и быть: отказываюсь от фрака, штанов и даже от академического что мне следует), по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское” (Письмо П. А. Плетневу 3 марта 1826 г.). Позднее уже в Петербурге Пушкин познакомится с Ф. Н. Слепушкиным и примет участие в его выкупе.

“С нетерпением ожидаю успеха “Орлеанской <...>”. Но актеры, актеры! — 5-стопные стихи без рифм требуют совершенно новой декламации. Слышу отсюда драмоторжественный рев *Глухо-рева*” (Письмо Л. С. Пушкину 4 сентября 1822 г.). Здесь использована фамилия драматического актера А. Глухарева, игравшего в Петербурге статую Командора (Жихарев 1955, с. 402).

Фамилия композитора М. И. Глинки тоже оказалась вовлеченной в каламбурную стихию поэта:

Веселися, Русь! наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор.
За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы

Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

(Канон в честь М. И. Глинки, 1836).

Топонимия также привлекалась Пушкиным в каламбуры: “Вот тебе янтарь, душа моя Каверин, – каково поживаешь ты в *свином городке*; ...” (Письмо П. П. Каверину, 18 февраля 1827 г. из Москвы в *Боровск*). “К новому году, вероятно, явлюся к вам в Чухландию” (Письмо А. А. Дельвигу, ноябрь 1828 г. из Малинников в Петербург). Частую Пушкину приписывали каламбуры и шутки. Но и в них чувствовался стиль великого поэта. Вот фрагмент из случая, якобы (а может быть и действительно) происшедшего с А. С. Пушкиным. Встретившись с поэтом в Киеве, М. А. Орлов по-дружески предостерег его: “Берегись, Пушкин, чтобы не услали тебя за Дунай!

– А может и за *Прут!*” – ответил поэт (Русская старина, 1903, №7, с. 214).

Ради красного словца А. С. Пушкин не стеснялся и грубых выражений. Вот как он обыграл известный русский фразеологизм, скрестив его с названием не менее известного журнала: “Еще слово – скажи Слёнину, чтоб он мне присылал Сукина Сына Отечества 2-ю половину года” (Письмо Л. С. Пушкину 4 сентября 1822 г. из Кишинева).

Друзья А. С. Пушкина отвечали поэту взаимностью в отношении шуток. Заметьте, как тонко обыграна П. А. Вяземским фамилия французской писательницы А.-Л.-Ж. де Сталь: “Ты Сталью отдал моему приятеля, а может быть и своего, Александра Муханова, бывшего адъютанта Закревского” (Вяземский 1982, с.226). Так же он обыграл фамилию своей знакомой английской писательницы С. Морган: “Мой *морганический* союз рушился. Леди Морган и племянница уехали третьего дня в Лондон” (Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992, с. 198).

А с поэтом А. Ф. Мерзляковым, автором всенародно известного стихотворения “Среди долины ровныя”, получилось хуже. Вяземский написал эпиграмму на его псевдоним: “...Мерзляков в то время подписывал стихотворения свои, печатаемые в “Вестнике Европы”, следующими буквами *Мрзк*, или чем-то подобным”. Так Вот Вяземский, бывший тогда еще приголовишкой, уже сочинил:

“Ты знаешь ли, мой друг, кто мерзкий сочинитель? –
Какие пустяки! Он школьный наш учитель. – ”

(Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992, с. 276).

Тот же П. А. Вяземский к А. С. Пушкину: “Мы переливаем из
пустого в порожнее и играем в слова, как в бирюльки. Прости, мой
искусный Бирюлкин. Обнимаю тебя от всего сердца” (Вяземский
1982, с.146–147).

А вот его же злая эпиграмма, сделанная в форме шарады, на
адмирала А. С. Шишкова, лидера “Беседы любителей русского
слова”:

“Шишков недаром корнеслов;
Теорию в себе он с практикою вяжет:
Писатель, вкусу *шши* он кажет,
А логике он строит *ков*” (1810-е гг.)

Значительно позднее к тому же приему эпиграммы-шарады
пришел и А. Н. Майков в эпиграмме на М. Н. Каткова, благо фами-
лии близки по слогам и рифме:

“Мой первый слог – палач, сказать яснее – кат;
Второй мой слог – замысел коварный;
А целое мое – известный ренегат
И публицист непопулярный”

Весьма неординарна именная эпиграмма П. А. Вяземского на
А. Н. Пыпина:

“Наш журналист себе промыслил попугая,
Он доморощенный отец родного края,
Он врет не зная что, как попугаи врут,
Но от заморского туземца отличая,
Его не Попынькой, а Пыпинькой зовут” (1872 г.).

А также и на Н. И. Костомарова:

“Калечить личности былого и рассказы,
Крутить их вывихом он ловок и лукав;
И чтобы выправить пера его проказы,
При Костомарове нам нужен костоправ” (1872 г.).

Послав из Варшавы в Петербург пирог и стихи для А. И. Тур-
генева, не страдавшего отсутствием аппетита, Вяземский не
преминул скаламбурить:

“Из Пёриге гость жирный и душистый,

Покинутый судьбы на произвол,
Ступай, пирог, к брегам полночи льдистой!”

(Послание к Тургеневу с пирогом. 1819 г.).

Здесь в каламбуре встречается русский *пирог* и французский топоним *Пёриге*, обозначающий местность, славившуюся трюфелями и паштетами.

Едко он обрабатывает в письме к А. И. Тургеневу (24 янв. 1820 г.) фамилии известных в то время литераторов: “Каких поправок требуешь ты для моего “Снега”? ....разве только: не говорливей – не слишком ли шаликовато! А слаще ропщут не слишком ли шахматовато, шатратовато, то есть шероховато?” Или в том же письме: “Ты окаменил мою поэзию. Ты отказался быть моим Ганимедом, то есть гнать мед, как гонят вино”. Он же в другом письме к А. И. Тургеневу (20 авг. 1833 г.): “Я не дам шиллинга за всего вашего Шеллинга, ...”. А в письме к своей супруге Вере Федоровне (26 июня 1826 г.): “Зачем ждать Поспелова, который всюду поспевает и нигде не успевает?”.

Позднее П. А. Вяземский откликнулся на Крымскую войну “Матросской песней”, в которой, в частности, произдевался над фамилией английского адмирала Ч. Непира, подошедшего с флотом к Кронштадту:

“Зададим вам пир,
А тебя вампир,
Адмирал Непир,
Ждет у нас не пир.” (1855 г.).

Он же замечает скабрёзно-этническое несоответствие имени: “А какова эта вывеска, которую можно было видеть в 1820-х годах в Москве, на Арбате или Поварской! Большими золочеными буквами красовалось: “Гремислав, портной из Парижа” (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883, т. VIII, с. 431).

А вот записанная им шутка построенная на игре апеллятива и именного комплекса: “Племянник гр. Литты, кн. Владимир Голицын, спросил его: “А знаете ли вы, какая разница между вами и Бегровым? Вы граф Литта, а он литограф” (Там же, с. 470).

Не отставали от Пушкина и его друзей следующие поколения остроловов. Веком позже в литературно-художественных кругах ходила такая шутка об актере и режиссере А. Д. Диком: “Одним из постоянных собутыльников Дикого был драматург Константин

- Жихарев, С. П. Записки современника. М., 1955.
- Ильина, Н. И. Дороги и судьбы. М., 1991.
- Смирнов, Д. А. Рассказы об А. С. Грибоедове, записанные со слов его друзей
//А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.
- Ходакова, Е. П. Каламбур в русской литературе XVIII в. // Русская
литературная речь в XVIII в. М., 1968.